

Михаил Осоргин Что такое любовь?

О любви написано так много, что, пожалуй, ничего нового не скажешь. Но так как про нее пишут обычно гадости оттенка собачьего, и это считается особенно важным и занимательным, то остается область менее исследованная, а именно любовная простота и беззаветность, когда самого себя человек берет за скобку и больше не видит, а весь мир, и вся радость, и вся красота, и все благородство воплощается в другом человеке, который стоит перед ним денно и ночью, в необыкновенном сиянии, лучезарный без пятнышка, милый до сладости и душевного таянья, всех на свете лучше и единственно необходимый и во всех поступках оправданный и святой, так что хочется зажечь перед ним лампадку и бить земные поклоны. Эта влюбленность и это обожествление выше той любви, когда "она" будто бы потеряла сознание, а "он", надрываясь от тяжести, тащит ее через две комнаты в третью, после чего им на некоторое время становится скучно и нечего делать; и уж второй раз он ее не потащит, только для первого раза старался, и идет она просто своими ногами, а он за ней, неспешно докуривая папиросу, - так что и любовь сразу идет на ущерб. Такая любовь обычно изображается в романах, иногда занятно, с разными еще подробностями, и чем их больше, тем и роман считается лучше. Кончается же тем, что ее тащит уже другой, а первый хоть для виду и обижается, но на самом деле думает: "Слава тебе, Господи, а я пойду любить в другом месте или просто отдохну".

Нет, совсем не так полюбил и любил мой герой, может быть, потому, что был человеком на возрасте, сорок с лишним или все пятьдесят, основательным, устроенным, отнюдь не лысым, с небольшой бородой, высшим образованием, отличным аппетитом, независимым положением, серыми глазами и неистраченным сердцем. Рост несколько ниже среднего, походка устойчивая, пальцы короткие с припухлостями, лицо, совесть и белье чистые, пиджак темно-серый, в едва намеченную клетку синеватых нитей, в одном кармане бумажник, в другом документы, носовой платок с меткой гладью, зубы ровные, крайних коренных нет, но выпали не сами, а извлечены зубным врачом, очень хорошим, принимающим только по записи, телефон Дантон тридцать два zero семь; да еще находишься к нему, так как, поковыряв минут десять, просит прийти через два дня и записывает в большой книге, делая на личной карточке, на изображенной в ней челюсти, пометку - где и что сегодня ковырял. Перед тем как жениться, описываемый мною герой привел зубы в полный порядок, обновил гардероб, добавив теплый костюм домашний, лаковые башмаки, две пижамы, двенадцать отложных воротничков с длинными кончиками, галстуков четыре длинных и один для смокинга, голубых кальсон шесть, шелковых рубашек три, мохнатых полотенец столько-то, носки со стрелкой и без стрелки и все прочее, в чем был недостаток. И три новые шляпы: котелок, мягкая и кепка для поездок, - и так он уехал из мира холостого в мир семейного счастья и разделенной любви.

Перечень предметов сделан нами умышленно, как бы в легкую насмешку над вот каким буржуем: все у него в порядке и все предусмотрено. Это чтобы отметить, каким человек был раньше, до встречи и совместной жизни с женщиной, которую он полюбил так, как редко кому может присниться. В этом и весь рассказ, в силе любви, событий же никаких и не будет. Такая любовь сама по себе событие, к которому прибавлять нечего.

Она, его жена, ничем особенным, говоря по совести, не выделялась из среды живых существ. Была молода, что, конечно, очень хорошо, наилучшее качество женщины. Красива - не знаю, но ничего себе. В ней была та физическая приятность женщины, когда сразу видно: если ее нечаянно заденешь, то не ушибешься и не уколешься, а даже хорошо; так ласков бывает к шарам борт хорошего биллиарда; так скачут плоские камушки по гладкой воде; так цирковой гимнаст падает в предохраняющую сетку. Приятно было в ней и то, что, совсем не будучи душой, она была чувствительно-глупенькой, и носик ее был приподнят и притуплен, видимо - теплый, как у проснувшейся собачки, перед тем спавшей калачиком, мордочкой в

собственную печурку; и тогда у собачки это уже не признак нездоровья, а, наоборот, совершенного благополучия: вертит хвостиком и томно улыбается. И руки у нее были не из тех маленьких и худосочных, как у кен-гуру, какими восхищаются поэты и прочие безвкусные люди, а руки настоящие, по большому росту, в меру сильные, способные к обмену пожатий, и все-таки женские. Вообще, без лишних духовных очарований, она была настоящей женщиной, с белыми ровными зубами, крутыми подъемами и безопасными спусками, летом похожей на яблоню, весной на березу, осенью на клен, зимой на елку, во всякое время года - на сезонный овощ; опускается этакий крепкий кочанок цветной капусты в воду, варится сколько надо, и потом с маслом и мелко поджаренными сухарями, предварительно пропустив одну-две с легкой и не слишком соленой закуской. Иных же, более возвышенных, впечатлений она не производила.

И вот, когда он ее встретил и потом на ней женился, - внезапно произошел в рядовом, земном и пожившем человеке изумительный переворот, который может создать только большая и настоящая любовь.

Человек совершенно преобразился, как бы приподнялся на цыпочки. Стала легкой его походка, волосы приобрели блеск, брови загнулись дугами повыше и застыли в радостном удивлении. И хотя он был ниже ее ростом, но стал казаться как бы футляром, в который на обитое бархатом ложе укладывается, все впадины точно заполняя, серебряная золоченая ложка с монограммой, семейная драгоценность. Или как если бы отличный и солидный кожаный с тиснением переплет обнял и не выпускает из объятий новоизданную занимательную книгу с золотым обрезом - приятно развернуть, причем листы в обрезе еще слипаются, и опять ревниво захлопнуть, то поддержать перед собой на столе, то поставить на полку и любоваться хорошо оттиснутыми буквами на корешке и выпуклостями, прикрывающими сшивку, ощущая эту книгу собственной и любимой. Или погрузить зубы в свежее и сочное яблоко и держать, не сразу откусывая и наслаждаясь ароматным холодком и предвкушая легкий хруст белоснежного откола, внутри же ни единой червоточины, а только в блестящих чешуйчатых кроватках молочные зернышки, которые можно, тоже раскусив, проглотить с великим удовольствием, и так съедать по яблочку каждое утро и каждый вечер, никогда не пресыщаясь, но чувствуя нарастающее здоровье и постоянную свежесть во рту. Но, конечно, никаким уподоблением не передашь человеческого полного счастья от необычайной удачи жизненного шага, столь важного и ответственного.

Что такое любовь? Любовь - это когда любимый чихает в соседней комнате, и вся кварти-ра, весь дом, вся страна и весь мир наполняются музыкой, из-за облаков выходит солнце, птицы голосят неугомонно, журчат ручейки, все кругом заляпано необыкновенными цветами, рот от улыбки растягивается до висков и хочется повизгивать от накатившего волною счастья. Любовь - это шутивно прокатившийся мимо блестящий шарик, за которым нужно гнаться, забыв и о возрасте, и о солидности, и о брюшке, и о мозоли, детски хихикая, спотыкаясь, прыгая через клумбу, через куст, через речку и Эйфелеву башню, умоляя шарик немножко обождать, чтобы наконец, догнав его, броситься на него всем телом, а он выскользнул, шелкнул по носу и уже катится дальше, вертясь и сверкая, дразня и заманивая к черту на кулички, в страну неугасимых желаний. Любовь - это свежееоструганная палочка, стопа чистой бумаги, свистулька из вишневой ветки, сотовый мед, венецианская стекляшка, выдутая на острове Бурано, свет через прорезанное в ставне сердечко, вскрывшийся в апреле лед на рыбной реке, корректура первой книги, шкурка черно-бурой лисицы, отчаянный "морской житель" на былом московском вербном рынке, в потолок хлопнувшая пробка, звон бубенчика или детский барабан. И еще любовь - это волны дыхания, сжатые плечи, мурашки по коже, прилив-отлив, низким облаком отраженный колокольный звон. И наконец любовь - это ты и я или даже только ты, всех прочих - долой,- и опускается железный занавес шелковым покровом.

Именно так он и полюбил, с головы до ног омытый, выскобленный, обновленный мочалкой влюбленности, скребком любви, зубилом и напильником необычайных открытий. Мир, в котором раньше было только несколько знакомых улочек с рестораном, мясной,

зеленной лавочкой, со службой, театром и газетным киоском, а люди ходили надоело знакомые, достоинством на три с плюсом,- вдруг этот мир осветился и наполнился висячими садами и приветливыми рожками, поющими осанну той, которая в центре и от которой многоцветным бисером во все стороны идет неистовое сияние. Она идет, покачиваясь, с венчиком на голове,- и ряды старых и новых домов расступаются, почтительно склоняя крыши и давая ей широкую дорогу. Она взглянула - и тучи светлых елочных ангелочков облепляют глаза, шеберстят в волосах крылышками, шабаршат в карманах, как заобойные тараканы, шебалшат в уши свои разные ангельские благоглупости, розовыми культиками хлюпают по губам, весело тюрюкая и тюлюлюкая певучие радости. Она заговорила - и сто пчел в куполе цветущей липы перекликаются с арфой, по струнам которой скачут кузнечики, кобылки, коньки и пружики, пел бы и соловей, да он днем молчит. Может быть, и нет в ее словах никакого такого и этакое смысла, ни Сократа, ни Платона, ни даже Владимира Соловьева, а просто о том, куда мы пойдем в воскресенье, и еще что-нибудь съестное, но звук милый из милых губ со знакомыми уголками, вместе грешили и не каемся, и уж ты говори не говори, дело не в том, и не это самое главное, под бровями глаза, в глазах дневная заслонка, а что за ней, то никого не касается, а слова только для обычая, как для обычая застегивается ненужная пуговка и ходим мы на задних ногах. Кто понимает - его счастье, а беспонятному этого, конечно, не втолкуешь.

И даже если он ошибался,- такую ошибку можно любому пожелать. Я забыл прибавить, что любовь, это - когда человек рисует с натуры, и рисует он телеграфный столб, на столбе галка, а на бумаге райская птица в Семирамидином саду кушает миндаль. И надоед райской птице художник даже до чрезвычайности, и миндалем она объелась, и хочется ей чего-нибудь менее торжественного и поновее, и ищет ее куриный мозг положительных знаний. Ему же, пишущему всякое слово с прописной буквы, даже эти ее коварные поиски кажутся откровением и сладкой пастилой: будь счастлив твой каждый шаг, и каждая твоя улыбка, даже в сторону, будь благословенна! Потому что любовь это крепкая вера, священное писание, незыблемый и нетленный гранит, уровень и отвес, в гимназические годы осиянно воспринятая тригонометрия, в которой ошибки не бывает.

И так человек из серенькой нашей жизни выгадал и выкроил два ярких и полновесных года, в каждом году сто лет. Большим шестигранным карандашом зачеркнул в бухгалтерии своей молодости скучные цифришки случайных и банальных увлечений, попытки карабканья на скользкий столб с призовым подарком наверху, и проигрышные дни забот о житейском благополучии, и кожаное кресло солидного одиночества, и вообще все, что предшествовало его неожиданному последнему шагу, сдаче в сладкий плен удвоенного бытия. И, нужно сказать, он действительно выиграл, и не на мелок, а в звонкой монете, которую не копил, а тратил щедрой и счастливой рукой. Будь благословенна доверчивая любовь, солнцем опаляющая зренья, тканой парчой закрывающая нищенские лохмотья, утюгом разглаживающая морщины, в говор струн превращающая шипенье змеи!

Осанна!

Когда же он узнал,- горе тебе, усмешка друзей и проклятый теткин язык! - почему и куда, озабоченно захватив сумочку и меж двух бровей, бровей столь любимых, пристроив складочку хлопотливого неудовольствия, уходит дважды в неделю в половине пятого,- когда он узнал это внезапно, решительно и точно,- ухнуло дальноточное орудие, с горы скатился обломок скалы, лопнула оболочка распухшего, от любви глянцевого сердца, и он умер, не успев сложить руки крестиком и пристроить на лбу обычаем установленный венчик И он лежал, крестом прилипнув к земле, пока прилетевший из неподалеку ангел, пощупав пульс, не записал его номерок, прибавив на полях расчетной книжки:

"Вот что такое любовь!"